

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

**СЕРГЕЙ
КРЕМЛЁВ**

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН
ОДИНЯЙТЕСЬ!

1917

**ФЕВРАЛЬ – ДЛЯ ЭЛИТЫ,
ОКТЯБРЬ – ДЛЯ НАРОДА!**

Исторические открытия

Сергей Кремлев

**1917. Февраль – для элиты,
Октябрь – для народа!**

«Алгоритм»

2016

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)61

Кремлев С. Т.

1917. Февраль – для элиты, Октябрь – для народа! /
С. Т. Кремлев — «Алгоритм», 2016 — (Исторические
открытия)

ISBN 978-5-906880-66-6

В начале 1917 года в России шли два параллельных процесса. Российская элита выполняла заказ Антанты и готовила февральский переворот, чтобы обеспечить Америке вхождение в войну. Активно действовала в России и разведка США. А народ пока ещё подспудно, но готовился расстаться с прогнившим царизмом. Февральский переворот начинался как спецоперация элит, но быстро обрел всенародный масштаб. С весны 1917 в стране мощно и уверенно заявило о себе движение большевиков, которым поверили и за которыми пошли простые люди. Если Февраль обеспечили деньги англосаксов, то Октябрь – та правда, с которой приехал в Россию Ленин.

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-906880-66-6

© Кремлев С. Т., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Несколько слов о теме книги	6
Америка, Европа и Россия до 1917 года: краткий экскурс в историю	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Кремлев

1917. Февраль – для элиты, Октябрь – для народа!

© Кремлев С., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

*И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин – такой молодой,
И юный Октябрь впереди...*

Из песни Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова 1974 года

Несколько слов о теме книги

Открывая эту небольшую книгу, читатель должен быть сразу же извещён о некоем обстоятельстве, а именно: название книги охватывает тему русского 1917 года более широко, чем содержание книги. Для достаточно полного и внятного описания всех значащих событий и всех аспектов 1917 года в России – от начала второй русской революции в феврале 1917 года до третьей русской революции в октябре 1917 года – потребовался бы капитальный том. Да ещё и не один. Моя же задача намного скромнее – осветить лишь некоторые аспекты новейшей истории России, которая неотвратимо развивалась в сторону того или иного революционного взрыва и которая взорвалась в 1917 году сразу двумя революциями – в феврале (по новому стилю – в марте) и в октябре (по новому стилю – в ноябре).

Соответственно, 2017 год – это год двух столетних революционных юбилеев: 100-летней годовщины Февральской буржуазно-демократической революции и 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Столетний юбилей Февраля для путинской «России» – дата вполне лояльная. С одной стороны, ВВП почитает, конечно, «Государя-императора» Николая Второго и Последнего, а с другой стороны, в феврале 1917 года либералы его (Николая) свергли. Но свергли-то в интересах имущей элиты, свергли во имя либеральных ценностей, так что с юбилеем Февраля у проолигархического путинского Кремля особых проблем нет. Столетие Февраля-1917 для царствующего, но не правящего Владимира Путина и его окружения – дата приемлемая.

Иначе обстоят дела с юбилеем Октября... Заранее ясно, что на его родине столетний юбилей Октября будет отмечен совсем не так, как юбилей Февраля, и не так, как это можно было предполагать ещё четверть века назад.

Не так, как это могло бы быть, отметит юбилейную дату и внешний мир. Вообще не заметить её удастся вряд ли, но можно уверенно заявлять заранее, что в путинской «России» (и в ней ли одной!) на Октябрь 1917 года, на Ленина и партию большевиков будут вылиты очередные ушаты грязи. А ведь российский Октябрь 1917 года – безусловно главное историческое деяние не только XX века, но и вообще всей мировой истории. Выпускник Гарварда, американский журналист Джон Рид приехал в Россию в 1917 году как всего лишь хроникёр бурно развивающихся событий, а в результате был увлечён ими, стал их активным участником, членом Исполнительного Комитета ленинского Коммунистического Интернационала. В 1920 году Рид умер от тифа и был похоронен на Красной площади у Кремлёвской стены. А в марте 1919 года он опубликовал в США книгу с «культовым», как сейчас принято говорить, названием: «10 дней, которые потрясли мир». И она выдержала в течение года три издания. Тогда мир очень чутко прислушивался к пульсу России и понимал, что судьбы народов решаются там – в Петрограде, в Москве, на русских равнинах... Сейчас об этом не очень-то хотят вспоминать, но есть ведь и объективная реальность, и она заключается в том (желает того кто-то или не желает), что уже скорый 100-летний юбилей Октября принадлежит не столько даже настоящему, сколько будущему России и мира.

В своё время предрекали, что советские люди будут встречать столетие Октября в окопах – мол, для этого постараются и США, и НАТО, и Китай... Увы, этот прогноз не сбывся, и именно что – «Увы!»... Лучше уж было бы встретить 100-летний юбилей Октября в окопах – как встречали в окопах 24-ю октябрьскую годовщину 7 ноября 1941 года советские воины, сплочённые общей целью победить, чем сидеть разобщёнными в той зловонной духовной выгребной яме, в которую постепенно превращают Россию её властители и грабители.

Впрочем, в эту же духовную яму мировой олигархат превращает и всю планету. И спасителен здесь лишь новый социализм, а прийти он может лишь из России, народы которой сто лет назад совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Сегодня Россия лишь деградирует, чему лишнее свидетельство – итоги сентябрьских выборов 2016 года. Причём в современной деградации России, которая сегодня не производит, например, ни одного грамма витаминов, роль Запада оказалась более чем значительной... Однако удельный вес Америки в более чем столетней подрывной и разрушительной работе против России является всё же преобладающим. Как заявил Збигнев Бжезинский – выдающийся «кадр» «холодной войны» – в своей книге «The Grand Chess-board: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives» («Великая шахматная доска: американское превосходство и его геостратегические императивы»): «Новый мировой порядок при гегемонии США создаётся против России, за счёт России и на обломках России».

Сказано нагло, откровенно, но – по существу! И началось ведь это не в 1991 году и даже не в 1917-м, а намного, намного раньше. Элита Америки была органически враждебна России чуть ли не с момента образования Соединённых Штатов – даром что Россия относилась к США лояльно ещё со времён Екатерины II Великой. А вопрос о злобной роли США непосредственно в событиях 1917 года в России – один из важнейших как с позиций чисто исторического исследования, так и с позиций современной практической политики.

Американскому «следу» в подготовке российского Февраля 1917 года и в противодействии российскому Октябрю 1917 года в основном и посвящена моя книга. Однако в том, что она названа так, как названа, есть свой смысл. «Гучковско-милюковский» Февраль 1917 года готовился как верхушечная совместная акция российской и англосаксонской имущей элиты. Ленинский же Октябрь 1917 года стал широким общенациональным движением народов России, подлинно народной революцией, спасающей Россию от политического раздробления и экономического подчинения англосаксонскому Западу во главе с Америкой. И даже такой последовательный и убеждённый ненавистник России, как Уинстон Черчилль, признавал, что именно большевики во всех регионах разваливающейся Российской империи, начиная с Украины, вели борьбу против их отделения от России.

Февраль затевали для элиты, Октябрь совершали для народа. Истинность данного тезиса оспаривали сто лет назад – в разгар событий, оспаривают через сто лет после событий, но оспаривают лишь те, кто или принадлежит к имущей элите, или обслуживает интересы этой элиты, всё более обуреваемой необузданными вождельствами и всё более отвратительной в своём противостоянии интересам народов.

Сегодня Америка по-прежнему работает против России – не путинской «России», конечно, а России великой, единой и неделимой, России – извечной собирательницы народов вокруг великорусского ядра триединого русского народа, России, идущей от Киевской Руси с градом Киевом – «матерью городов русских», России, новейшее могущество которой было заложено её народами под руководством Ленина и Сталина.

Но Америка **так же и с теми же целями** работала против России и четверть века назад, и полвека назад, и век назад, и даже два века назад, ибо для элитарных кругов США приемлема лишь одна Россия – даже не слабая, не униженная и подчинённая Америке, а расчленённая и уничтоженная Америкой. В книге о 1917 году история давних – и дооктябрьских, и дофевральских – диверсий и провокаций Соединённых Штатов против России затронута, естественно, лишь кратко, но не сказать о них вообще ничего – было невозможно. Ибо, не охватывая вопрос в его полной ретроспективе, мы не сможем увидеть во всей полноте возможные перспективы России – как обнадеживающие, так и угрожающие.

Впрочем, лично автор рассчитывает всё же на умное, свободное, обильное и великое будущее нашей Родины, чего желает и читателям его книги.

Итак, приступаем...

Америка, Европа и Россия до 1917 года: краткий экскурс в историю

ПРИНЯТО говорить о трёх русских революциях, понимая под первой революцию 1905–1907 годов, под второй – Февральскую 1917 года, и под третьей – Октябрьскую того же 1917 года. О Ленинграде так и писали: «город трёх революций»... Подобное деление вполне оправдано, хотя революционный процесс 1917 года, начавшись в Феврале, усиливался и нарастал вплоть до Октября, *не прерываясь*. Некоторый спад революционной активности после расстрела Июльской демонстрации Временным правительством был лишь короткой тактической паузой. Но следует чётко понимать, что Февраль и Октябрь были порождены абсолютно разными, резко антагонистическими политическими факторами, и поэтому говорить о *преемственности* Февраля и Октября не приходится, хотя и во второй, и в третьей русской революции принимали участие одни и те же общественные силы и слои.

Февраль в своей исходной фазе стал порождением элиты и задумывался в интересах имущих, эксплуататорских классов. Февраль имел целью сохранение политической власти имущих, лишь с заменой властной надстройки с царского самодержавия на буржуазный парламентаризм.

Октябрь стал результатом деятельности антиэлитарных сил в интересах неимущих, эксплуатируемых классов во имя установления политической власти трудящихся масс с полным, коренным изменением самих основ общества, начиная с экономического базиса, с отношений собственности на средства производства – с передачей прав собственности на фабрики, заводы, землю и земные недра в руки рабочих и крестьян.

Ленинский российский Октябрь 1917 года и его истоки вполне можно понять, не привлекая к анализу внешние факторы, включая фактор США, потому что Октябрьская революция имела глубоко национальные корни. В случае же с Февралём всё обстоит наоборот. Российский буржуазный Февраль 1917 года без рассмотрения его через призму интересов и устремлений мировой имущей элиты, и особенно элиты США, мы просто не поймём верно и не увидим его так, как он состоялся в реальном масштабе исторического времени. Октябрь 1917 года – антагонист элиты США, Февраль 1917 года – как «спецоперация» имущей элиты – неразделим с интересами США и во многом ими определялся. Об этом дальше не раз будет сказано при подкреплении заявленного тезиса аргументами и фактами.

Но, как уже отмечалось выше, подрывная работа Америки против России началась отнюдь не с Октября и даже не с Февраля 1917 года, а намного раньше. Поэтому отправная точка пути к верному пониманию Февраля 1917 года с учётом фактора США находится во времени далеко за пределами XX века – в XIX, даже – в XVIII веке, куда мы вскоре и отправимся.

Попутно нам придётся предпринять хотя бы краткий экскурс (то есть отступление от главной темы) в историю формирования противоречий между Англией, Германией и Америкой, потому что в этих противоречиях и в столкновении интересов трёх мировых держав прямо или опосредовано присутствовал «российский» аспект. Россия не принимала участия в игре мировых сил как полноправный игрок, она была для трёх главных игроков тогдашнего мира не более чем картой, но – картой козырной. Не понимая политики США в отношении Германии, Англии и Европы в целом, мы не поймём и политики США в отношении России. Не поймём мы и российского 1917 года, не сможем проследить путь, которым Россия шла (и которым Россию отчасти вели) к «февральскому» взрыву.

Европа и Соединённые Штаты Америки...

Россия и США...

Сегодня у историков и у общества в целом есть всё для того, чтобы выработать верный взгляд на их отношения, на историю и суть этих отношений. Но выработан ли этот взгляд? Осознана ли исключительно негативная роль не Соединённых Штатов – как цивилизационного явления, а роль имущей элиты Соединённых Штатов в разложении и унижении Европы и мира? Распознана ли – хотя бы в России – особая антироссийская ипостась этой элиты, враждебной к России в той мере, в какой Россия усиливается, и лицемерно лояльной к России в той мере, в какой Россию этой элите и её агентам удаётся ослабить?

Что ж, с одной стороны, утверждение, что современная политика Соединённых Штатов Америки направлена против интересов Европы (точнее – широких масс Европы) и против России постепенно становится общим местом даже в путинской «России». С другой стороны, даже сегодня плохо осознано, что уже акт образования Соединённых Штатов в конце XVIII века был по своему смыслу не столько антибританским, сколько направленным в перспективе против всего мира вообще, включая Россию. Причём полное понимание сути американского фактора в истории мира и России возможно лишь при марксистском подходе к анализу прошлого, переходящего в настоящее и программирующего будущее.

В XIX веке Соединённые Штаты неуклонно расширяли свою территорию от Атлантического океана к Тихому за счёт продвижения на Запад пионеров «фронта», а также покупая земли: у Англии – Орегон, у Франции – Луизиану, у России – Аляску с Алеутами и архипелагом Александра.

Техас, Новую Мексику и Калифорнию Америка попросту аннексировала у Испании и Мексики.

XX век знаменовался широким выходом США на арену мировой политики с исключительно гегемонистскими целями. С годами подобные устремления лишь развивались. Причём на протяжении почти всего XX века – уже с его начала – одним из важнейших элементов внешней политики США стали амбициозные планы в отношении России, которая всё более мешала установлению гегемонии США.

В XXI веке, после того как усилиями США Россия оказалась в тотальном системном кризисе, антироссийская активность США не только не снизилась, но лишь возрастает. У Америки впервые в истории появилась возможность окончательно сбросить Россию с той «Великой шахматной доски», в виде которой элита Америки представляет себе мир.

В XIX веке, особенно в первых двух его третях, видимое мировое влияние США – страны, тогда по преимуществу аграрной, было небольшим. Затем Америка стала неуклонно наращивать свою мощь, и к XX веку обрисовались контуры такого мира, властителем которого желала стать и могла стать Америка – в том случае, если бы она нейтрализовала и ослабила своих наиболее вероятных геополитических конкурентов – Англию, Германию и Россию.

Последнюю державу далеко не все видели в роли потенциального мирового лидера, хотя объективный комплексный потенциал России был настолько велик, что при его эффективном использовании Россия была способна обойти всех, включая США. Впрочем, говоря так, я одновременно предостерегаю читателя от доверия к тем, кто утверждает, что Россия и обошла бы всех, если бы не Ленин, не Октябрь 1917 года и не большевики... Всё было как раз наоборот. Извратители исторической истины заявляют, что Россия стала бы быстро развиваться, если бы революционный процесс в 1917 году завершился Февралём, но это – всего лишь ложь. В своё время мы увидим, что, если бы не Ленин и не Октябрь 1917 года, постфевральская Россия оказалась бы на положении экономической полукolonии англосаксов и политического сателлита США.

К началу XX века задача дестабилизации и ослабления европейских соперников, реальных и потенциальных, становилась для Америки уже окончательно насущной и актуальной. По отношению к России планы Америки были ещё более радикальными – зада-

чей-максимум здесь было полное подчинение экономики, а следовательно, и политики России интересам элитарных кругов США.

Вопросу дестабилизирующего влияния США на ситуацию в России и посвящена моя книга, причём особое внимание уделено периоду, предшествующему вступлению США в Первую мировую войну в апреле 1917 года и связи этого последнего события с событиями российского Февраля 1917 года. Однако вряд ли мы сможем понять всё, что нам следует понять в 1917 году, без краткого взгляда на предыдущую историю США и мира, начиная, по крайней мере, с Нового времени.

Очень давно – на рубеже XVIII и XIX веков – будущий князь Беневентский, Шарль-Морис Талейран, дипломат всех французских правительств с конца XVIII века до начала 30-х годов XIX века, прозорливо предупреждал:

«На Америку Европа всегда должна смотреть открытыми глазами и не давать никакого предлога для обвинений или репрессий.

Америка усиливается с каждым днём. Она превратится в огромную силу, и придёт момент, когда перед лицом Европы, сообщение с которой станет более лёгким в результате новых открытий, она пожелает сказать своё слово в отношении наших дел и наложить на них свою руку.

Политическая осторожность потребует тогда от правительств старого континента скрупулёзного наблюдения за тем, чтобы не представилось никакого предлога для такого вмешательства.

В тот день, когда Америка придёт в Европу, мир и безопасность будут из неё надолго изгнаны».

Эти слова Талейрана стоило бы отлить в бронзе, а бронзовые доски с ними установить на главных площадях всех европейских столиц и во всех европейских парламентах, включая Европарламент. Здесь концентрированно предсказана вся европейская история XX века и начала XXI века.

Находясь в особенно бурные годы Великой Французской революции в эмиграции за океаном, Талейран сблизился с рядом «отцов-основателей» США. Скорее всего, именно тогда он смог узнать многое о подоплёке событий начинающейся государственной истории США и перспективных планах наднациональных сил. Ведь именно эти, не склонные афишировать себя, силы активно способствовали обретению заокеанскими территориями Британии собственной государственности. И, оформленная в виде федерации тринадцати Соединённых Штатов, Америка сразу задумывалась не как противовес Старому Свету, а как его будущий диктатор, если не могильщик.

Даже краткий анализ истории усиления – во многом искусственно стимулированного – Америки в течение XIX века выходит за рамки этой книги, и просто напомним, что именно США провели в 1898 году первую в мире подлинно империалистическую войну – с Испанией за новые колонии. Ещё до этого, в 1893 году, США оккупировали Гавайские острова. В 1898 году младший друг и единомышленник будущего президента США Теодора Рузвельта журналист Уильям Уайт, играя в откровенность, писал:

«Когда испанцы сдались на Кубе и позволили нам захватить Пуэрто-Рико и Филиппины, Америка на этом перекрёстке свернула на дорогу, ведущую к мировому господству. На земном шаре был посеян американский империализм. Мы были осуждены на новый образ жизни».

Как это обычно у американских идеологов и бывает, Уайт лицемерил. Не слабость Испании, не захват Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин якобы развернули США на дорогу к мировому господству, а курс элиты США и их европейских доброжелателей на мировое гос-

подство Америки открыл эпоху нарастающего распространения влияния США на глобальный политический процесс. Миром XIX века и начала XX века правила Британия, но миром XX и XXI века должны были править – по задумке наднациональной Элиты и имущей элиты США – Соединённые Штаты.

К XX веку вполне определённо оформилось противостояние Британской и Германской империй, но у «великой шахматной доски» мировой политики прочно обосновывался и третий «игрок» – США. Именно Америка и объединённая «железом и кровью» Германия выходили в лидеры промышленного прогресса. Британия же постепенно утрачивала свою былую промышленную монополию и всё более становилась жертвой своих необъятных колоний, население которых в 10 раз превышало население метрополии. Английская промышленность ориентировалась на выпуск дешёвых массовых потребительских товаров для продажи в колониях, и в первые десятилетия XX века 57 % всех английских промышленных рабочих и служащих было занято в отраслях, так или иначе связанных с колониальной монополией Англии. В текстильной и швейной промышленности было занято больше рабочих, чем во всём английском машиностроении.

Чтобы лучше понять ситуацию, возьмём в качестве примера такую важнейшую отрасль, как чёрная металлургия. В 1830 году в Англии было произведено 700 тысяч тонн чугуна, а к началу 1870-х годов его производство превысило 6,5 миллиона тонн и основная доля мирового производства приходилась на Англию. В Германии и США вплоть до 1860 года производство чёрного металла находилось на низком уровне. Но уже в 1890 году США превзошли Англию в производстве стали, и к 1913 году производили стали в 4 раза больше, чем Англия. Причём если Англия выплавляла в основном кислую мартеновскую сталь в устаревающих кислых печах, то американское производство на $\frac{2}{3}$ состояло из основной мартеновской стали и на $\frac{1}{3}$ из бессемеровской стали. Германия тоже развивалась стремительно. Прекратив выплавку стали в кислых печах, немцы в 1893 году догнали Англию по производству стали, а к 1913 году Англия оказалась отброшенной на третье место.

В 1902 году английский экономист Эшли (W. J. Ashley) с тревогой отмечал, что за последние 30 лет в Англии существенно вырос лишь экспорт угля и тех продуктов, производство которых связано с использованием дешёвой неквалифицированной рабочей силы, и что английской промышленности грозит упадок «вследствие научных достижений Германии и методов массового производства, применяемых в Соединённых Штатах». Подобные тревоги были более чем обоснованы, и среди трёх важнейших стран-производителей Англия оказывалась перманентно третьей, причём особенно проигрывала двум лидерам в передовых отраслях. США занимали первое место в мире по экспорту автомобилей и станков, Германия – по экспорту электроламп и большинства видов электротехнической аппаратуры.

С одной стороны, Англия казалась вечным колоссом, способным указывать даже Соединённым Штатам Америки. Ценные бумаги, вложенные в английские колонии, к 1913 году приносили их владельцам 200 миллионов фунтов стерлингов годового дохода. При этом уровень годового дохода в сто фунтов позволял его получателю – хотя и достаточно скромно – сводить концы с концами.

В то же время «нездоровое» колониальное богатство разъедало основы могущества Британии. Английское золото растекалось по земному шару, а результатом становилась нехватка его для наращивания внутренней мощи. В 1913 году США выплавляли 31,3 миллиона тонн стали, Германия – 17,3, а Англия – всего 7,7 миллионов. Не имея таких колоний, как английские, немцы работали над созданием мощной страны внутри её собственных границ. Англичане же «несли бремя белого человека» по всему свету. В итоге непосредственно

Англия утрачивала темпы, новые отрасли промышленности развивались в ней слабо, медленно – в отличие от Германии и США.

Соответственно, политика не только Америки, но и Германии постепенно также приобретала империалистический оттенок. Аппетиты у кайзеровской Германии были немалыми, но их трудно было назвать непомерными: аппетит был по экономическому организму Рейха, быстро растущему и нуждающемуся в сырье и рынках сбыта. Причём даже без войны немцы активно завоёвывали мир своим умением работать. Русский дипломат Николай Николаевич Шебеко докладывал в 1911 году в МИД о планах развития Багдадской железной дороги:

«В настоящем своём фазисе сооружаемый путь представляет уже прекрасный сбыт для изделий германских фабрик и заводов, так как весь железнодорожный материал доставляется из Германии. В будущем законченном виде дорога даст возможность германской промышленности наводнить своими продуктами Малую Азию, Сирию и Месопотамию, а по окончании линии Багдад-Ханекин-Тегеран также и Персию».

Эти пути на Восток немцы, в отличие от англичан, пролагали не огнём пушек и сталью мечей, а огнём домен и рельсовой сталью! У пангерманской идеологии были убедительные материальные обоснования.

Давний конфликт немцев и французов, подогретый отторжением у Франции Эльзаса и Восточной Лотарингии после франко-прусской войны 1870–1871 годов, накладывался на новый конфликт империалистических интересов Германской и Британской империй и уже в ближней перспективе обуславливал образование англо-французской Антанты. (России здесь заранее была обеспечена роль пристяжной, а точнее, «рабочей» лошади.)

Классик советской историографии, академик Тарле отзывался о мощи Антанты в степях только превосходных: «Соединённые силы Антанты были... колоссальны, её материальные возможности были... безграничны...» и т. п. Однако статистика говорила об обратном. В 1913 году удельный вес Германского Рейха (без Австро-Венгрии) в мировом машиностроении составлял 21,3 процента. А всей Антанты – Великобритании, Франции и России, вместе взятых, – 17,7 процента.

На долю США приходилось при этом 51,8 процента!

Впрочем, была ситуация свойственна и другая статистика. В 1900 году почти 75 % американского экспорта шло в Европу, а в 1913 году – только 59 %! И основной причиной было усиление Германии. Выходило, что из-за немцев капитал США терял свое влияние в Европе с темпом более одного процента в год! И это – на фоне планов США по части их будущего мирового господства. Англия Америку особо не беспокоила: было ясно, что колониальная Британия окажется в XX веке колоссом на глиняных ногах и бывшее могущество утратит, а ведущей силой англосаксов станут Соединённые Штаты, если... Если этому не помешает Германия, особенно если станет реальностью прочный стратегический союз Германии с Россией.

Иными словами, Германия оказывалась в начавшемся XX веке не просто опаснейшим экономическим конкурентом Америки, но и её злейшим геополитическим врагом.

Тем не менее даже после Первой мировой войны (и даже по сей день) многие историки так и не смогли избавиться от уверенности, что мотивы той войны определялись неизбежностью «пробы сил» между Германией и Англией, ведь к началу войны именно эти две страны были индустриализованы в наибольшей мере. В 1907 году процент рабочих и служащих в торговле, транспорте и промышленности по отношению ко всему самодеятельному населению составил для Англии 45,8 %, для Германии – 40 %, а для США – всего 24,1 %. Поэтому фактор США считал второстепенным даже такой историк-энциклопедист, как Евгений Викторович Тарле. В своих работах по тому периоду он дал нам отличный фактический мате-

риал, а тенденцию так и не увидел, как не увидела её, пожалуй, и вся советская историография Первой мировой войны.

Объективный же анализ показывает, что в перспективе XX века основным мировым противоречием выступало уже не англо-германское, а американо-германское. Вот что писал 1 января 1898 года германский посол в Вашингтоне Хольлебен:

«Противоречия между Германией и Соединёнными Штатами в экономических вопросах, всё более и более обостряющиеся со времени великого подъёма, испытанного Германией в качестве экономической силы, поскольку речь идет о настроениях в США, вступили в острую стадию.

Сейчас Германия в здешней прессе и в обывательских разговорах является, безусловно, самой ненавидимой страной. Эта ненависть относится в первую очередь к стесняющему конкуренту, но она переносится также на чисто политическую почву. Нас называют бандитами и грабителями с большой дороги. То обстоятельство, что недовольство против нас заходит так далеко и проявляется сильнее, чем против других конкурентов, объясняется здесь страхом перед нашей возрастающей конкурентоспособностью в хозяйственной области и перед нашей энергией и возрастающей мощью в области политической».

Оценка Хольлебена не только ярка и точна – она ценна ещё и тем, что лишний раз доказывает: в преддверии XX века Англию как серьёзного в перспективе конкурента в США не рассматривали. Зато там очень опасались Германии.

Ниже приведена ещё одна – намного более поздняя – оценка тогдашней ситуации, причём принадлежит она не немцу, а американцу – экономисту Ричарду Сэсюли, автору книги «ИГ Фарбениндустрii», изданной на Западе в 1947 году и в 1948 году переведенной в СССР:

«Начавшая было развиваться американская химическая промышленность... была подавлена немцами в период, предшествующий Первой мировой войне. Одним из средств, при помощи которого был достигнут этот результат, явилось снижение цен. В течение десяти лет, с 1903 по 1913 г., немецкие фабриканты продавали, например, салициловую кислоту в США на 25 % дешевле, чем в самой Германии. Это также относилось и к бром, щавелевой кислоте, анилину и другим продуктам. Подобным же средством был и „принудительный ассортимент“: чтобы купить какой-либо особенно нужный продукт из числа изготавливаемых немецкими фирмами, американцы должны были купить весь ассортимент продукции. Таким образом происходило вытеснение с рынка американских фирм».

Чтобы сорвать *экономическую* мировую экспансию Германии (в том числе – в самой Америке), Америка и спланировала *военное* подавление потенциала Германии руками Антанты, к которой пристегнули Россию. «Германский» мотив был, конечно, не единственным, двигавшим Соединённые Штаты к провоцированию большой войны в Европе, но это был очень значимый мотив. Возможно, даже более значимый по сравнению с «русским» мотивом.

РОССИЯ была опасна для США двояко. Во-первых, она представляла опасность сама по себе, как потенциальная сверхдержава. Но это была опасность в дальней перспективе. В реальном же масштабе исторического времени, когда наднациональными политиками и элитой США замышлялась европейская война, опасным было то, что без стравливания дружественных друг другу России и Германии не обеспечивалось длительное течение войны. Даже

при просто нейтральной России германо-австрийский блок (да ещё при подключении к нему Турции) почти гарантированно был способен разгромить французскую армию и английский экспедиционный корпус в считанные месяцы. А тогда в войну не успели бы вступить Соединённые Штаты. Да и исход войны оказался бы прямо противоположным исходу, планируемому Америкой. То есть Россия – даже нейтральная – была опасна для Соединённых Штатов Америки с позиций обеспечения их конечного успеха на пути к мировому господству.

Ещё более опасна была Россия, заключившая с Германией военный союз. Прочный дружественный стратегический союз двух взаимно дополняющих друг друга держав означал бы, что XX век будет веком не Америки, а веком, где мировой процесс направляют Россия и Германия, при возрастающем лидерстве России.

Конечно, обретение первоклассной мощи Россией затруднялось уже сильной зависимостью российской экономики от иностранного капитала, однако если бы Россия не была вынуждена истощать себя в длительной войне, то не исключено, что национально ориентированные силы могли бы и вырвать Россию из опутывавшей её паутины внешних долгов и иностранных инвестиций.

Российская промышленная элита была, правда, весьма мелкотравчатым материалом для грандиозных, прорывных мегапроектов, но при разумном союзе с Германским Рейхом формально монархическая, а фактически уже почти буржуазная Россия могла шагнуть широко и далеко. Главное же – только прочный союз России с Германией исключал большую европейскую войну с участием России – для России губительную и ненужную. Соответственно, отрыв России от Германии и стравливание Германии и России становились насущной задачей для Франции, для Англии, но прежде всего – для Америки. Без взаимного российско-германского мордобоя шансы Америки на будущее управление миром падали бы катастрофически. А планировалось-то наоборот!

В 2005 году профессор-экономист итальянского происхождения из университета Вашингтона в Такоме Гвидо Джаккомо Препарата в крайне любопытной монографии «Гитлер, Inc. Как Британия и США создавали Третий рейх» провёл исследование мирового политического процесса применительно к англосаксонским корням Первой мировой войны и писал:

«Главная цель... – не допустить стратегического союза между Германией и Россией: если эти две державы сольются в „братском объятии“, то, как не без оснований полагали британские правящие круги, они обеспечат себя такими неисчерпаемыми источниками ресурсов, людей, знаний и военной мощи, что смогут угрожать самому существованию Британской империи в наступающем столетии».

Препарата уловил «нерв» тогдашней мировой ситуации верно, однако неверно расставил приоритеты: стратегический союз между Германией и Россией угрожал не столько перспективам Британской империи, сколько планам мирового господства Америки. Но Америка так умело маскировала эти планы, что даже такой тонкий аналитик, как Сталин, видел главную пружину Первой мировой войны в конфликте Англии и Германии. А Большая Советская энциклопедия в 1929 году в томе 15-м на странице 601-ой утверждала:

«По существу история мировой торговли в эпоху империализма (до войны 1914-18) является историей напряжённого соревнования между Германией и Англией. Германский купец преследует английского буквально во всех частях света. В Южной Америке, в Японии, в Китае, в Персии, в Тунисе, в Марокко, в Египте, в Бельгийском Конго – во всех этих странах удельный вес импорта из Германии повышается, а из Англии

уменьшается. Германские товары начинают вытеснять английские даже на рынках британских колоний».

Эта информация верна, но неполна. То же самое, что было сказано в БСЭ о напряжённом соревновании между Германией и Англией, следовало сказать и о Германии с Америкой, подчёркивая особую остроту именно их экономического противостояния.

МНОГИЕ, очень многие ни в реальном масштабе времени – как тот же академик Тарле или авторы БСЭ, – ни позднее, так и не поняли всей сути замысла Первой мировой войны. Подробно об этом я написал впервые в своей книге 2003 года «Россия и Германия – сравнить!», переработанное издание которой вышло в свет в 2014 году под названием «Политическая история Первой мировой». Если же говорить кратко, замысел состоял в следующем...

Вначале необходимо было политически и психологически развести Россию и Германию, затем привязать (политически, военно-политически и займами) Россию к европейской Антанте и сделать невозможным военный союз между Германией и Россией.

Когда исходные позиции для войны будут подготовлены, следовало войну – при формальном нейтралитете США – начать и обеспечить длительность военных действий, подпитывая конфликт американскими займами воюющим сторонам и отдавая львиную долю Антанте. А когда европейцы измордуют друг друга до полусмерти и увязнут в долгах Америке, всегда можно будет, как это предсказывал за сто с лишним лет до начала XX века проныцательная лиса Талейран, найти предлог(и) для прямого вступления в европейскую войну «сто процентных янки» как высших и окончательных вершителей судьбы Старого Света.

Подлинным организаторам Первой мировой войны был заранее ясен и ход её, и исход. И странно, что это отрицалось таким, например, крупнейшим специалистом по эпохе, как академик Тарле. Он писал: «Конечно, для капиталистических классов всех (подчёркнуто Тарле. – С.К.) стран, особенно всех великих держав, был элемент риска; математически непрерываемой надежды на победу не было ни у кого».

Тарле был не прав тут в корне. Что касается Соединённых Штатов (и только Соединённых Штатов!), то они имели в той войне нечто большее, чем надежды на победу. Риск для США заранее был сведен к нулю, зато победа рассчитывалась с математически непрерываемой точностью. Не был учтён Америкой лишь фактор Ленина, вставшего в 1917 году во главе широких народных масс России.

Заранее не приходилось сомневаться, что в случае войны Германия Антанте будет бить. И что США начнут поддерживать Антанту вначале «по факту», без прямого вступления в войну. А вот когда Германия Антанте почти побьёт, США вмешаются уже открыто и сведут окончательный баланс в свою пользу.

Собственно, для того чтобы понять многое в закулисной, но реальной предыстории и истории Первой мировой войны, достаточно внимательного и вдумчивого изучения феномена «полковника» Эдварда Манделя Хауза – личного представителя президента США Вильсона. Избранный как «президент мира» и ставший в действительности «президентом войны», Вильсон был доверенным лицом промышленно-финансовых магнатов, а доверенным лицом Вильсона считался полковник Хауз – эмиссар президента США в Европе в 1914–1917 годах. Впрочем, для элитарных кругов США Хауз тоже был своим.

Вильсон отправил Хауза за рубеж весной 1914 года с миссией ответственной и деликатной. Официально провозглашалось, что задача Хауза – предупредить вооружённое столкновение в Европе. В действительности же он должен был оценить готовность европейских держав к войне. Начать её – в случае их готовности – было делом техники.

Хауз инспектировал Европу на предмет готовности её «верхов» к развязыванию войны до войны, он же держал руку на пульсе европейской войны и в ходе её. Причём можно лишь удивляться той лицемерной наглости, с которой Хауз в конце 1915 года мотивировал жела-

тельность «более активного участия» США в делах Европы, заявляя: «США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором». Подобными заявлениями в сознание политиков и историков внедрялась фальшивая версия о том, что мысль о вступлении в войну на стороне Антанты возникла у США лишь в ходе самой войны, неблагоприятно складывавшейся для Антанты, и что президент Вильсон лишь постепенно проникался этой идеей. Даже Ленин смотрел на проблему примерно так же, считая, что Америка была *втянута* в войну.

В принадлежащей перу советского дипломата и историка И.Г. Усачёва политической биографии Джона Фостера Даллеса – о нём у нас ещё будет повод поговорить – цитируется давняя (1955 года) книга А.С. Линка «American Epoch» («Американская эпоха»), где приведены слова некоего крупного представителя военной элиты США: «Мы знали, что в Европе созревает огромный конфликт. Мы чувствовали это в 1908 году и израсходовали суммы, необходимые для организации и поддержания механизма по продаже оружия по всей Европе».

Знать об этом заявлении полезно, однако оно – не более чем полупризнание... Правящие имущие круги США не просто знали, что в Европе созревает огромный конфликт, а последовательно готовили Европу к нему.

Всё вышесказанное имеет своей целью подвести наше повествование к основной теме книги – зловещей роли США в русской истории начала XX века – до Первой мировой войны, в ходе войны и двухактной русской революции 1917 года, вплоть до Гражданской войны, инициированной не то что при участии США, но при их *решающей* роли. Однако здесь необходим, пожалуй, ещё один исторический экскурс на тему: «Россия и Америка»...

РОССИЮ в США лъстиво именовали «историческим другом». И отношения с Америкой в дореволюционной России нередко рассматривали как действительно дружественные, причём на этот счёт заблуждались и правящие «верхи», и широкая публика. 17(30) марта 1916 года первый секретарь посольства России в Вашингтоне И.Г. Лорис-Меликов подал по начальству записку, в которой писал о «столь желательном сближении нашем с Америкой в торгово-экономическом, а может быть, и в политическом отношении». Лорис-Меликов был убеждён и убеждал российский МИД: «...при настойчивой и умелой постановке просветительской кампании в Америке нам нетрудно будет завоевать симпатии американского народа...».

Несмотря на точность многих частных оценок и наблюдений, в целом записка Лорис-Меликова являла собой образец самообмана – в лучшем случае – или ангажированного лоббирования – в худшем. Для монархически-буржуазной России возможен был лишь один вид отношений с Америкой – клиента США. Тем не менее для российских либералов – даже таких англоманов, как профессор-кадет П.Н. Милюков, США были чуть ли не образцом для подражания, более желательным даже, чем британский образец. Хотя для верного взгляда на то, что есть Америка для России и чем она может быть для России, достаточно было знать историю Русской Америки – российских владений на северо-западе Американского континента. Истеблишмент США подбирался к ним давно. Ещё 2 декабря 1823 года президент Соединённых Штатов Монро в торжественном послании конгрессу категорически провозгласил, что территории в Западном полушарии не должны рассматриваться «в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». И острие формирующейся «доктрины Монро» было сразу направлено против владений России в Америке. А во время Крымской войны сенатор от штата Нью-Йорк Уильям Генри Сьюард прямо заявил в Сент-Поле (штат Миннесота):

«Стоя здесь и обращая взор к Северо-Западу, я вижу русского, который озабочен строительством гаваней, поселений и укреплений на оконечности

этого континента как аванпостов Санкт-Петербурга, и я могу сказать: „Продолжай и строй свои аванпосты вдоль всего побережья вплоть даже до Ледовитого океана – они тем не менее станут аванпостами моей собственной страны – монументами цивилизации Соединённых Штатов на Северо-Западе“...»

Конкретной иллюстрацией к этому программному заявлению могло быть сообщение русского моряка лейтенанта В.И. Збышевского. В 1863 году после плавания на фрегате «Аскольд» и корвете «Рында» он писал в «Морском сборнике» (№ 4, часть 4, часть неофициальная):

«В шантарских водах нынче американцы распоряжаются если не так, как дома, то так, как в покорённой ими стране: жгут и рубят леса, бьют дичь и китов, торгуют с тунгузами мехами, оленями и оставляют после себя следы, напоминающие если не древних варваров, то по крайней мере татарские... пожары».

Шантарские острова – это даже не зона Русской Америки, это Хабаровский край. Острова расположены в юго-западной части Охотского моря рядом с азиатским материком, а в Русской Америке, отделённой от остальной России океаном, янки бесчинствовали тем более! И в XX веке эта исключительно хищническая линия США в отношении российских богатств и России в целом лишь укрепилась (достигнув в XXI веке просто-таки колониальных масштабов).

Незадолго до продажи Русской Америки капитан 2-го ранга П.Н. Головин, хорошо знавший Соединённые Штаты, в докладе великому князю Константину писал 20 октября 1861 года:

«Что касается до упрочения дружественных отношений России с Соединёнными Штатами, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это для них выгодно».

Как конкретная иллюстрация к этому заявлению, сделанному в XIX веке, далее приводятся два свидетельства, относящиеся уже к XX веку – ко времени Первой мировой войны.

Участник этой войны, бывший офицер старой русской армии, советский военный историк генерал Е.З. Барсуков написал капитальный труд «Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.)», где, в частности, сообщалось:

«Россия влила в американский рынок 1 800 000 000 золотых рублей, и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом за счёт русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была в зачаточном состоянии. Ведомства царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономили народное золото для иностранцев. Путём безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров (в одном Коннектикуте их работало около двух тысяч! — С.К.) созданы в Америке богатые кадры опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники».

Сведения генерала Барсукова подтверждает генерал А.А. Маниковский в книге «Боевое снабжение Русской Армии в 1914–1918 гг.»:

«Без особо ощутительных для нашей Армии результатов, в труднейшее для нас время пришлось влить в американский рынок колоссальное количество золота, создать и оборудовать *там на наши деньги* массу военных предприятий, другими словами, произвести на наш счёт *генеральную мобилизацию* американской промышленности, не имея возможности сделать того же по отношению к своей собственной».

Подобная антинациональная политика царского правительства лишь поощряла правящие круги США в их стремлении не просто использовать Россию в XX веке как «дойную корову», но глубоко внедриться в неё и подчинить себе экономически и политически. Такой вариант был соблазнителен для США и сам по себе, но, более того, линия на дестабилизацию, ослабление и системное закабаление России становилась для США жизненно необходимой в той мере, в какой Америка претендовала на мировую гегемонию.

ЕСТЬ старая карикатура времён президента Теодора Рузвельта (1858–1919), изображающая Рузвельта в виде садовника, ухаживающего за «деревом империализма», на котором уже созрели плоды с надписями: «Панама», «Филиппины», «Санто-Доминго», «Пуэрто-Рико», «Гавайи», «Гуам». И Рузвельт действительно олицетворил собой начало видимого американского империализма. Он стал именно его вывеской, поскольку подлинными «садовниками» были олигархи США, но Рузвельт – человек, внешне экстравагантный, а на деле – нахально-энергичный и решительный, – пользовался их полным доверием и поддержкой. Испано-американскую войну 1898 года он провёл, ещё будучи формально на вторых политических ролях, а в 1900 году был избран вице-президентом США вместе с президентом Мак-Кинли. К тому времени вокруг Рузвельта сформировался круг империалистических интеллектуалов, идеологов экспансионизма, среди которых был, например, Альфред Мэхан – теоретик подавляющей военно-морской мощи США. Забегая вперёд, можно напомнить, что в 1908 году, будучи президентом США, Рузвельт отправил в кругосветное путешествие внушительную эскадру новёхоньких линкоров, выкрашенных в белый цвет. Полвека назад командор Перри «вскрывал» самоизолировавшуюся Японию «ножом» эскадры чёрной окраски, теперь же устрашали орудия главного калибра, а не цвет.

Рузвельт, пребывавший на посту президента США с 1901 по 1909 год, стал президентом 14 сентября 1901 года не по избранию, а после того, как скончался президент Мак-Кинли, раненный 6 сентября 1901 года анархистом Леоном Цолгошем. Внешняя политика уже Уильяма Мак-Кинли (1843–1901), впервые избранного президентом США в 1897 году, была откровенно империалистической, однако Мак-Кинли был для имущей элиты США всё же не совсем своим, ибо пришёл на вершины карьеры из «верхних» средних слоёв, а рвущемуся в мировые властители истеблишменту США требовался полностью свой. Теодор Рузвельт был таковым и по происхождению, и по образованию, да и по состоянию – не магнатскому, но вполне приличному. Поэтому сложно сказать – кто направлял руку Цолгоша? Так или иначе, Мак-Кинли скончался, и военный министр Элиху Рут – мы с ним ещё встретимся летом 1917 года в России – предложил Рузвельту принять в присутствии кабинета президентскую присягу.

В ленинских «Тетрадах по империализму» отыскивается запись (с пометкой «очень важно») следующего содержания:

«Именно... спрос на иностранные рынки для изделий промышленности и для инвестиций явился явной причиной того, что империализм был воспринят как политический принцип и политическая практика республиканской партией, к которой принадлежат промышленные и финансовые главари и которая принадлежит им. Авантюристический

энтузиазм президента Рузвельта и его партии... „цивилизаторской миссии“ не должен вводить нас в заблуждение. Империализм нужен мистерам Рокфеллеру, Пирпонту Моргану, Ганна, Швобу и их компаньонам, и они-то взваливают его на плечи великой республики Запада. Им нужен империализм, потому что они хотят использовать государственные ресурсы своей страны, чтобы найти выгодное помещение капиталов...».

Оценка вполне ленинская, однако это не ленинский текст, а цитата из книги английского буржуазного экономиста Джона Аткинсона Гобсона (1858–1940) «Империализм», изданной в Лондоне в 1902 году. Причём одногодок Рузвельта Гобсон в последний период жизни пришёл к открытой апологетике империализма и идее «мирового государства» – естественно, под властью частных капиталистических собственников.

В свете этой оценки Рузвельта и его патронов самим англосаксом, можно понять, что новейшее отношение к России формировалось в США на базе империалистических интересов. И если в 1898 году Рузвельт ещё мог написать в письме президенту Американской лиги заградительного тарифа А. Муру: «Россия единственная среди европейских держав была в прошлом неизменно дружественной нам», – то уже в первые годы XX века отношение ставшего президентом США Рузвельта к России было только враждебным. И это дало основание американскому историку Г. Биллю заявить: «...антирусская, про-японская политика администрации Рузвельта воодушевила Японию пойти войной против России».

Так оно, вообще-то, и было.

Между прочим, тот же Гобсон, касаясь России, писал, что хотя она, «единственная из северных стран», ведёт «империалистическую политику», «главным образом направляя свои силы на захват Азии», но «её колонизация более естественна», поскольку «идёт путём расширения государственных границ...». Фактически здесь речь – о развитии России до её *естественных* геополитических границ, что было характерно даже для царской России, пусть в начале XX века и впадавшей – в определённой мере – в грех империализма. Тем не менее даже англосакс Гобсон не смог поставить в вину России ничего особо существенного, ничего особо захватнического.

ВЫШЕ уже говорилось, что с наступлением XX века Россия представляла для Америки двоякую опасность: в реальном масштабе времени – как потенциальная союзница Германии, а в дальней исторической перспективе – как держава, потенциал которой был способен сорвать планы мирового господства США. Однако даже царская Россия была просто-таки смертельно опасна для правящей элиты США и мировой наднациональной элиты ещё и как нравственный, цивилизационный их антагонист. Не вдаваясь здесь в дальнейшие разъяснения, отмечу, что цивилизационные установки России были естественно враждебны и противоположны американским и вообще англосаксонским установкам – Россия была способна претендовать в перспективе на роль мирового лидера, но никак не мирового господина-диктатора и жандарма. В том числе и поэтому амбициозная Америка с течением исторического времени с успехом стала заменять Англию в роли главной подгаживающей России державы («Англичанка», впрочем, тоже гадила России по-прежнему).

До XX века Америка повлияла на исторические перспективы России как мировой сверхдержавы единожды, но повлияла самым зловещим и драматическим образом. Речь о всё той же проданной Русской Америке, продажа которой стала для будущего России просто-таки катастрофой. Одни Алеутские острова обеспечивали России – при умной её политике – грандиозные возможности! А архипелаг Александра с русско-американской столицей Ново-Архангельском (ныне – Ситка)... А богатства Аляски – нефтяные, золотые и прочие... Но это – внешнеполитический аспект козней США против России.

Во внутренние же российские дела Америка впервые вмешалась значимым образом во время русско-японской войны 1904–1905 годов. И на этом тоже не мешает остановиться: тема о влиянии США на злосчастный для России ход и исход той войны прямо вплетается в тему об «американских» истоках российского Февраля 1917 года.

Войну Японии с Россией финансировали многие – и гласно, и негласно. Но чаще всего подчёркивают роль банкирского дома Kuhn, Loeb & Co («Кун, Леб и К^о»), который с 1885 года возглавлял крупный американский еврейский финансист Джейкоб (Яков) Генри Шифф (1847–1920). Его имя связывают также с финансированием русской революции 1905 года, и применительно к эсерам (а возможно, и к меньшевикам во главе с Троцким) эта версия не выглядит полностью несостоятельной. С одной стороны, первую революцию в России инициировали, конечно, не извне. Вот как Яков Васильевич Глинка, присяжный думец-аппаратчик и отнюдь не революционер, начал свои воспоминания об 11 годах работы в Думе:

«Наше поражение в войне с Японией в 1904 году, гибель эскадры, потеря Порт-Артура, Дальнего, Портсмутский мирный договор выявили всю гниль нашего государственного аппарата. Начался ропот, рабочие отозвались забастовками, крестьяне волнениями, сопровождавшимися пожарами помещичьих усадеб...».

Так что революцию программировала внешняя и внутренняя политика царизма. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению то, что внутреннее брожение в России в ходе русско-японской войны было антироссийским силам выгодно и они могли финансово поддерживать определённые революционные силы – поддержать не для обеспечения их победы, а для большей смуты.

Впрочем, отставим пока догадки в сторону и обратимся к несомненным фактам. Первый военный японский заём был открыт в США в апреле 1904 года, и русский посол Артур Павлович Кассини доносил министру иностранных дел России графу Ламздорфу из Вашингтона:

«Как Вашему Сиятельству известно, выпущенный в Нью-Йорке японский заем составляет половину займа, поместить который взял на себя английский синдикат, в состав которого входят Hongkong and Shanghai Banking Corporation и Parr's Bank & Ltd. Из всей суммы в 50 миллионов долларов 25 выпускается в Лондоне, другие же поручено выпустить в Америке... банкирскому дому Kuhn, Loeb & Co, которому, насколько мне удалось узнать, содействует в этом предприятии и другой нью-йоркский дом Шиффа. Оба эти банка находятся в руках евреев и принадлежат к разряду солидных учреждений».

Кассини справедливо замечал, что сами по себе 25 миллионов долларов «ввиду громадных военных издержек» Японии – сумма «сравнительно ничтожная». Но их предоставляла Японии формально нейтральная страна, руководство которой заверяло Россию в «доброжелательном» нейтралитете.

Япония в качестве гарантий предоставляла свои таможенные доходы и занимала доллары под 6 процентов годовых, на что, как замечал Кассини, «едва ли согласилась бы даже третьестепенная европейская держава». Но Япония нуждалась в финансах крайне, жестоко, не имея возможности затягивать военные действия надолго: с определённого момента Япония каждым лишним днём ведения войны всё более превращала бы свою победу в пиррову. (Напомню, что Пирр, эллинистический царь Эпира, одержал победу в битве с римлянами при Аускуле ценой таких потерь, что победа грозила обернуться поражением.)

В ноябре 1904 года был открыт второй японский заём на 60 миллионов долларов. И это при том, что военные успехи Японии Америку уже начали волновать. Но России в Соеди-

нённых Штатах опасались в стратегическом отношении больше, поэтому на долю Артура Павловича Кассини приходились золотые речи, а на долю Японии – золотые займы.

Второй заём оказался не последним... Америка оставалась Америкой, что русский посланник документально зафиксировал в очередном своём донесении в Петербург:

«Федеральное правительство, хотя и провозглашает всегда громко доктрину Монро (декларативную суть этой доктрины, провозглашённой президентом Монро в 1823 году, можно было выразить формулой: „Обе Америки – Америке“. – С.К.), но стремится применять её принципы только в свою пользу. Не допуская ничего вмешательства во всё, что касается Американского материка, оно одновременно с этим... выказывает стремление вмешиваться в вопросы, касающиеся исключительно Европы и Азии».

В полной мере эти слова подтвердились сразу же по окончании военных действий между Россией и Японией. Война между Россией и Японией завершилась, как известно, Портсмутским мирным договором, подписанным в американском городе Портсмуте со стороны Японии министром иностранных дел Комура Дзетаро, а со стороны России – Сергеем Юльевичем Витте.

Сергей Юльевич был мастером на все (и каждый раз – нечистые) руки, но по дипломатическому ведомству никогда не служил. Тем не менее в Портсмут поехал именно он, причём стоит обратить внимание на занятную хронологию.

Портсмутский договор был подписан 5 сентября 1905 года. А за полтора месяца до этого, в июле 1905 года, в Японию в очередной раз приехал – как личный представитель президента Рузвельта – военный министр США Тафт. 27 июля он встретился с японским премьером генералом Кацуры, и в тот же день они подписали секретный меморандум, рассекреченный лишь в 1924 году. Беседы Тафта и Кацуры завершились признанием Японией американских прав на Филиппины, а Америкой – японских прав на Корею. Так 27 июля 1905 года завершился антирусский пролог к Портсмутскому миру.

И могло ли быть иначе, если ещё 5 апреля 1905 года Кассини докладывал из Вашингтона в Петербург Ламздорфу об очередном японском займе в США. Телеграмма эта так интересна, что я её процитирую обширно.

«Милостивый государь граф Владимир Николаевич, – писал Кассини, – Секретною телеграммой от 17 марта я уведомил императорское министерство об огромном успехе последнего японского займа в 150 миллионов долларов, помещённого, как Вашему Сиятельству безызвестно, поровну в Англии и Соединённых Штатах. Группа нью-йоркских банкиров с еврейским домом Кун, Лоеб и К^о во главе, взявших на себя выпуск 75 миллионов, не пощадили никаких усилий, чтобы привлечь здешнюю публику к возможно широкому участию в подписке... Результат превзошёл самые смелые ожидания японцев и их друзей, и подписка достигла в одних Соединённых Штатах 500 миллионов долларов, т. е. почти что миллиарда рублей...

Если заграничный кредит государства может служить знаменателем его материального преуспеяния, то нет сомнения, что заключение последнего займа составляет для Японии новый крупный успех... Предсказания некоторых политических кругов, что затеянная Японией война неминуемо приведет в скором времени к ее экономическому истощению и что финансовый вопрос составляет ахиллесову пяту владений микадо, к сожалению, не оправдались на практике».

Вряд ли Артур Павлович под предсказаниями «некоторых политических кругов» имел в виду оценку Ленина, который отмечал, что «Япония имела возможность грабить восточные, азиатские страны, но она никакой самостоятельной силы, финансовой и военной, без поддержки другой страны иметь не может». Но в России не одни ведь большевики видели, что Япония как крупная самостоятельная величина – дело лишь будущего. И «слева», и «справа» умные люди в России понимали, что если дело и в силе, то не в силе Японии, а в силе ненависти англосаксов к России...

Как только очередные доллары были Японии даны, её представители 31 мая 1905 года обратились к президенту США Теодору Рузвельту с просьбой пригласить обе воюющие стороны на переговоры. Займы-то займами, но государственный долг Японии возрастал катастрофически. К тому же займы были сделаны Японией под будущие её государственные доходы. Мог получиться конфуз, и «Цусима» финансовая (но уже – для Японии) зачеркнула бы тогда все выгоды от Цусимы морской.

Получив просьбу Японии, Америка немедленно, изображая из себя миротворца, активно вмешалась в русско-японский конфликт уже не финансово, а политически. 9 июня 1905 года Рузвельт официально обратился к Николаю. Его послание передал Ламздорфу посланник США в Петербурге Джордж фон Лангерке Мейер.

Ноту Рузвельта я цитировать не буду: уж очень много в ней подлого ханжества и откровенного лицемерия. Рузвельт, в частности, уверял царя, что если, мол, тот положительно откликнется на «миротворческий» призыв Америки остановить «в интересах всего человечества» «внушающий ужас прискорбный конфликт», то президент обязуется добиться *согласия* на переговоры японского правительства. Рузвельт фарисейски писал это, имея уже *просьбу* Японии о посредничестве!

Вскоре Кассини был отозван, а на его место назначен барон Роман Романович Розен – бывший посол России в Японии. На 13 июля 1905 года Рузвельт назначил Розену аудиенцию для принятия верительных грамот, в ходе которой уверял русского представителя в том, что Япония якобы «весьма неохотно согласилась на мирные переговоры». Однако Розен недаром долгое время представлял интересы России в Стране восходящего солнца. В своём донесении Ламздорфу он писал:

«Утверждение президента, мне кажется, не может соответствовать действительности по следующей причине.

Единственная, но зато весьма существенная слабая сторона положения, в котором сейчас находится Япония, заключается в том, что, несмотря на все одержанные над нами победы на море и на суше, Япония не располагает никакими средствами, которые дали бы ей возможность вынудить Россию к заключению мира и к уплате военной контрибуции, если бы Россия предпочла от этого уклониться и решила бы продолжать хотя бы пассивное сопротивление».

Розен здесь бил, что называется, «в точку»! Ну что могла бы сделать Япония, если бы Россия просто сказала: «Мир без аннексий и контрибуций»? Вторгнуться на непосредственно российскую территорию (и даже в зону КВЖД – Китайско-Восточной железной дороги) у Японии сил не было.

Япония могла высадить десант на Сахалине, поскольку российская морская мощь покоилась на дне Цусимского пролива и бездарный управляющий морским министерством адмирал Бирилев открыто заявлял, что Япония является хозяином вод Дальнего Востока. Японцы десант на Сахалин (они называли его Карафута) и высадили, но внутренне были готовы эвакуировать войска в любой момент. Первая же зима, первый крепкий лёд дали бы России решающее преимущество, ибо хозяин вод – ещё не хозяин льда... Тем не менее при

лукавом «посредничестве» США Витте быстренько заключил в Портсмуте крайне позорный для России, воистину «похабный» мир.

Россия:

- признавала за Японией преобладающие интересы в Корее и обязалась больше не вмешиваться в японо-корейские отношения;

- уступала Японии – «при согласии» Китая (через 4 месяца им данном) – аренду Порт-Артура и Дальнего со всей окружающей территорией, имуществом, с Южно-Маньчжурской железной дорогой от станции Чанчунь (Куаньченцзы) до Порт-Артура, со всеми каменно-угольными копиями, принадлежащими этой дороге или разрабатываемыми для её снабжения;

- выплачивала возмещение в 20 миллионов долларов на покрытие расходов по содержанию в Японии русских военнопленных;

- отдавала Японии часть Сахалина южнее 50 параллели со всеми прилегающими островами;

- обязывалась заключить с Японией конвенцию по рыболовству в русских территориальных водах Японского, Охотского и Берингова морей сроком на 12 лет.

Рыболовная конвенция, подписанная 28 июля 1907 года в Петербурге, была так выгодна для Японии, что её называли скрытой контрибуцией.

В своё время Талейран сумел защитить законные интересы Франции в абсолютно проигрышной для Франции ситуации. Витте интересы России не смог(?) отстоять в ситуации, отнюдь не проигрышной. А связи Витте с элитарными финансовыми и политическими кругами Америки – абсолютно не разработанная историками, но крайне любопытная тема.

АНТИРОССИЙСКАЯ, подрывающая позиции России роль США во время русско-японской войны и при заключении Портсмутского мира вполне очевидна и доказывается достоверными документами. Что же до первой русской революции 1905–1907 годов, то вмешательство США в её развитие документально не подтверждается, однако оно выглядит вполне возможным при вдумчивом анализе. Подобные акции редко раскрываются даже через многие десятилетия, **и ещё реже документируются**, зато анализ хода первой русской революции даёт основания усмотреть в развороте ряда её событий руку не столько Токио, сколько Вашингтона.

Саму по себе революционную ситуацию создала, безусловно, внешняя и внутренняя политика царского правительства, и при рациональной тактике социалистов (что, собственно, означало бы принятие массами руководства большевиков во главе с Лениным) начавшаяся революция могла увенчаться успехом. При всём при том революция развивалась во многом по линии провокации масс со стороны весьма тёмных сил.

Классическая советская историография сыграла злую шутку с исторической истиной, приписывая ведущую роль в революционном процессе 1905 года большевикам, в то время как инициативы исходили тогда, прежде всего, от меньшевиков и эсеров. Ленин приехал в Россию лишь 8(21) ноября 1905 года, когда ситуацию – вопреки его мнению – уже формировали и руководство образовавшимся Петербургским Советом находилось в руках двух меньшевиков – Хрусталёва-Носаря и Троцкого. Ленин же, ориентируя массы на решительные действия, считал, что оптимальным сроком для их начала будет весна 1906 года, когда в Россию начнут возвращаться с Дальнего Востока бывшие фронтовики.

В «Воспоминаниях» кадета Павла Милюкова отыскиваются любопытные детали. В начале Милюков написал:

«То, что Ленин уже в мае (1905 г. – С.К.) смело поставил на первую очередь, **для меньшевиков** оставалось тогда за горизонтом практической политики...» -

а продолжил так:

«Лишь в октябре и ноябре эти лозунги не только показались осуществимыми, но и **были превзойдены при содействии Троцкого** (жирный курсив везде мой. – С.К.)».

И далее Милюков сообщал, что Троцкий «себе приписывал поправку, по которой временное правительство *с преобладанием с.-р.* (эсеров. – С.К.) должно было образоваться не после победы вооружённого восстания, а в самом процессе этого восстания».

Как видим, налицо был странный политический кульбит: Троцкий, пользующийся влиянием как меньшевик, заранее отдавал руководство эсерам! Однако ничего удивительного в этом мы не усмотрим, если предположим, что Троцкий имел задачу не допустить такого развития ситуации, когда решающее влияние на массу перешло бы к большевикам во главе с вернувшимся в Россию Лениным! Близкие к необъятной крестьянской массе эсеры, похоже, имели контакты с Японией, которую, впрочем, поддерживали американские еврейские банкиры, с которыми имел контакты Троцкий. Можно предполагать контакты меньшевиков и эсеров также и с элитарными англосаксонскими кругами Англии и Америки. Но контакты Троцкого с элитарными кругами именно США оказываются наиболее высоко вероятными, причём миссия Троцкого заключалась в срыве успеха революции.

Большевикам во главе с Лениным в рамках пока ещё организационно единой РСДРП – Российской социал-демократической рабочей партии – ничего не оставалось, кроме как участвовать в событиях, однако они не имели возможности направлять события решающим образом, то есть – к успеху. Обратимся ещё раз к свидетельству Милюкова:

«Вернувшийся наконец в Петербург Ленин сразу заметил, побывав анонимно на хорах Вольной экономии (в помещении Вольного Экономического Общества заседал Петербургский Совет. – С.К.), что „здесь – говорильня“, „рабочий парламент“, а нужен орган власти, орган партийного руководства большевиков надвинувшейся революционной развязкой. И „боевая организация“ партии приступила к подготовке вооружённого восстания...».

Однако, как выяснилось позднее, в подготовке московского Декабрьского восстания 1905 года сильны были провокаторы. Прочтя статью Ленина «Уроки Московского восстания», внимательный читатель увидит, что Ленин тонко анализирует в ней ход и ошибки восстания, и становится понятно, что поражение было запрограммировано вялым поведением московского коалиционного Совета боевых дружин, где заправляли меньшевики, эсеры и прочие небольшевистские силы.

В Москве было, по данным советских источников, примерно 2000 дружинников. А как свидетельствует жандармский генерал Спиридович, «численность дружинников у большевиков достигла лишь 250 человек, меньшевики насчитывали до 200 человек, прочие же человек 400 принадлежали к беспартийным и социалистам-революционерам».

Относительно абсолютного числа московских боевиков генерал, скорее всего, ошибся, но процентное соотношение по партиям он указал, похоже, верно. Так или иначе, если бы левые силы приняли линию большевиков и усилили пропаганду в войсках, всё в Москве в декабре 1905 года могло пойти иначе! Меньшевики же и эсеры саботировали решительные действия в Москве и не форсировали их в Петербурге. Фактически успех первой русской революции был сорван рядом преждевременных и поэтому провокационных действий в меньшевистско-эсеровском формате для того, чтобы революция не развилась до победоносного ленинского формата!

Роль лично Троцкого в срыве успеха революции оказалась немалой, и именно Троцкий имел в США устойчивые и влиятельные связи. Связи ещё одного злого гения русской революции – А.Л. Парвуса (Гельфанда) – с Америкой по сей день не вскрыты, и считается, что

этот идейный наставник Троцкого был близок к антагонисту Америки – Германии. Тем не менее сама логика умелого провокатора не могла не сводить Парвуса с имущей элитой США.

Подобные предположения тем более основательны, что как минимум с начала XX века в России начинают прочно обосновываться разведывательные службы США – военная и военно-морская разведка, а также политическая разведка госдепартамента. Во время русско-японской войны военный атташе США Бентли Мотт, военно-морской атташе Рой Смит не только создавали разветвлённые агентурные сети и внимательно отслеживали ситуацию, но и фактически работали на Японию.

ТАК ИЛИ ИНАЧЕ, Америке удалось направить в нужное ей русло не только внутреннюю, но и внешнеполитическую ситуацию в России. Несмотря на победы при Мукдене и Цусиме, Япония, истощившая резервы, была на грани краха, и Россия могла рассчитывать на мир в виде, по сути, ничьей. Своекорыстные же действия США привели Россию к провальному для неё миру, заключённому Витте в американском Портсмуте. И ещё до подписания Портсмутского мира член совета масонской ложи «Великий Восток Франции» Ляферр направил президенту США Теодору Рузвельту телеграмму: *«Великий Восток Франции имеет честь адресовать вам самые горячие поздравления за выдающуюся услугу, только что оказанную человечеству. Масонство счастливо видит триумф, благодаря одному из самых знаменитых своих сынов, принципов мира и братства».*

И, опять-таки, до подписания мира – 4 сентября 1905 года – помощник государственного секретаря США Фрэнсис Батлер Лумис по поручению Рузвельта выразил в ответном письме признательность за *«любезную телеграмму, направленную от имени масонов Франции в связи с усилиями президента в пользу достижения мира на Дальнем Востоке».*

Телеграмма и письмо были опубликованы в декабре 1905 года в закрытом масонском журнале «L'Asasia» (масоны придавали акации мистический смысл как дереву, чудесно выросшему на могиле Хирама – архитектора Соломонова храма в Иерусалиме). А в 1906 году «брат» Рузвельт получил от комитета из пяти человек, избираемых норвежским спортивным клубом, Нобелевскую премию мира, которая вручалась «тому, кто внесёт весомый вклад в сплочение народов, уничтожение рабства, снижение численности существующих армий и содействие мирной договоренности».

Рузвельт действительно «содействовал» мирной договоренности между Россией и Японией, но США преследовали исключительно свои интересы, нейтрализуя потенциал возможного влияния России на Дальнем Востоке.

США имели там собственные далеко идущие планы, и история, например, американо-китайских отношений содержит немало непрояснённых моментов. Так, в начале 1930-х годов в Китае находился с инспекцией финансовый магнат из Бостона Рассел Грин Фессенден. Ему было поручено разработать для Белого дома генеральные направления политики США в Китае на ближайшее десятилетие. Сообщавший это известный исследователь из ГДР биограф Рихарда Зорге Юлиус Мадер уже в 1980-е годы подчёркивал: «Меморандум Фессендена и по сегодняшний день опубликован приблизительно только наполовину, остальное осталось за плотными дверями кабинетов сенаторов и менеджеров в качестве вспомогательной информации».

Меморандум Фессендена, впрочем, не более чем одна из вершин «айсберга» усилий США в Китае. Не вдаваясь в вопрос глубоко, коснусь одиозной фигуры Джекоба Шиффа, возглавлявшего фирму «Kuhn, Loeb & Co». Эта фирма финансировала практически все крупные железнодорожные проекты на Востоке. В 1911 году Шифф поддержал китайский заём, а во время русско-японской войны, как нам это уже известно, в рамках четырёх американских займов Японии, предоставил ей 180 миллионов долларов – по тем временам огромную сумму. Конфликт Японии и России был выгоден для США двояко: два опасных конкурента

США взаимно ослабляли друг друга, а за счёт этого расширялись возможности США на Дальнем Востоке, включая север Кореи и Китай.

Шифф, впрочем, тоже был лишь вершиной американского антироссийского «айс-берга». Антироссийские действия Шиффа обычно объясняют его неприязнью к царскому правительству, якобы проводившему политику антисемитизма, но и после свержения самодержавия Шифф сохранил враждебное отношение к России, о чём ещё царский посол России в США Юрий Петрович Бахметев сообщал в российский МИД 20 марта (2 апреля) 1917 года.

Впрочем, по мере увязания Временного правительства в сетях Вашингтона Шифф, как и другие влиятельнейшие евреи Америки, проявил к развитию «сотрудничества» явный интерес, о чём 30 июня (13 июля) 1917 года сообщал в Петроград уже другой Бахметев (Бахметьев) – Борис Александрович, посол Временного правительства в США.

Упомянутый ранее Лорис-Меликов наивно уверял в 1916 году в своей записке в МИД, что в Америке обнаруживается «подчас поразительное невежество американцев даже лучшего класса» относительно ситуации в России. Однако не надо было быть царём Соломоном, чтобы понять, что связи российского еврейства и американского еврейства были настолько естественно широки, что те в США, кому это было надо, отслеживали ситуацию в Российской империи как минимум не хуже, чем спецслужбы самой империи.

Вряд ли мы когда-либо сможем узнать **из документов**, насколько разветвлённой, осведомлённой и мощной была разведывательная сеть США в дореволюционной России, однако простой логический анализ убеждает в том, что её тогда не могло не быть. И она была. В серии фильмов «Россия – Америка. Дуэль разведок» советско-российский американист Светлана Червонная вскрыла лишь то, что оказалось доступным, и даже вскрытое даёт картину масштабного внедрения спецслужб США в Россию начала XX века. Но многое ли раскрывается даже через век после событий в такой тонкой сфере, как шпионаж, особенно – политический? Тем не менее известное из одних лишь российских архивов убеждает в том, что США располагали в царской России как агентурой, поставляющей информацию, так и агентурой влияния. Всё это вместе готовило почву для такого будущего, которое должно было стать прибыльным для США и плачевным для России.

В период между двумя войнами- русско-японской и мировой, внимание США к России лишь усиливается, в том числе по линии политической и экономической разведки. Недаром избранный в 1912 году президент США Вудро Вильсон видел будущую Россию «демократической, прозападной и открытой американским инвестициям». Вильсон был всего лишь агентом правящей элиты США, но именно поэтому его видение будущего основывалось на прочном фундаменте точного финансового и политического расчёта «верхов» Соединённых Штатов.

В 1988 году вышла в свет монография Анатолия Уткина «Дипломатия Вудро Вильсона». Сама по себе эта тема крайне интересна, ибо Вильсон стал тем президентом США, который готовил Первую мировую войну, курировал её вначале как «нейтрал», а затем, придя в Европу, завершил войну как вершитель судеб западного мира. Именно дипломатия Вильсона совместно с дипломатией английского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея водила за нос дипломатию кайзера Вильгельма, подводя Германию к войне. Тем не менее Анатолий Уткин считал, что в период перед Первой мировой войной Вильсон, его «серый кардинал» «полковник» Мандель Хауз и вообще американская дипломатия были якобы поглощены «идеей „союза трёх“», который должен был строиться «по расовому принципу, исходя из мнимой близости народов – членов „германской семьи народов“». Имелся в виду якобы замышляемый Америкой «союз» США, Англии и Германии, которые якобы и должны были *полюбовно* произвести новый передел мира.

Ничтоже сумняшеся Уткин – вслед за сонмом обильно проработанных им западных авторов – утверждал, что «союз США, Англии и Германии с возможным подключением Франции и Японии – вот тот идеальный союз, которого добивался Вильсон», что «Вильсон не предвидел критического развития европейской ситуации», что «известие о начале войны пришло к Вильсону неожиданным», что он сказал сидящим за столом родственникам: «Невероятно, это невероятно» – и что «полковник Хауз питал немалые надежды на англо-германский компромисс буквально до тех пор, пока кайзеровская Германия не объявила мобилизацию»... Уткин уверял, что «с самого начала мирового конфликта – с августа 1914 года – Вильсон добивался союза, а не столкновения трёх „центров белой расы“ – США, Англии и Германии».

При этом Уткин «забывал» напомнить, что именно в преддверии Первой мировой войны – 23 декабря 1913 года – была создана Федеральная Резервная система США, которой предстояло финансировать скорую мировую бойню, невозможную без конфликта Антанты и Германии.

Уткин писал также, что США уже не смотрели на Францию как на великую державу и «практически никогда» не рассматривали Россию «в качестве участника проектируемой грандиозной коалиции».

Во всём этом верным было одно – сообщение о выводе за скобки Франции и подчёркивание полного игнорирования Америкой интересов России и будущего России. Причём последнее могло быть реализовано Западом и Америкой лишь при овладении ресурсами и экономикой России и установлении над ней политического патронажа.

ПРИМЕРНО за полтора года до начала Первой мировой войны – 14 марта 1913 года – в № 61 большевистской газеты «Правда» была опубликована статья Ленина «Наши „успехи“». В ней автор с цифрами в руках разоблачал лживость заявлений министра финансов Коковцова о якобы «подъёме» российской экономики за последние годы и одновременно провёл показательную параллель именно с Соединёнными Штатами.

Ленин писал:

«Наша промышленность, как и всё народное хозяйство России, развивалась и развивается... Это нечего и доказывать. Но ограничиваться данными о „развитии“ и самодовольно хвастливыми указаниями,... значит *закрывать глаза на невероятную отсталость и нищету России, обнаруживаемые этими данными...*

Стоимость продуктов нашей фабрично-заводской промышленности была 4307 млн. руб. в 1908 г., а в 1911 г. – около 4895 млн. руб., восторгается министр финансов.

Посмотрите же, *какое значение* имеют эти цифры. В Америке каждое десятилетие производятся переписи. Чтобы найти цифру, *похожую* на нашу, надо вернуться к 1860 году, когда в Америке было ещё *рабство* негров.

В 1860 году стоимость продуктов обрабатывающей промышленности определялась в Америке в 3771 млн. руб., а в 1870 г. уже в 8464 млн. руб. В 1910 г. мы имеем там уже сумму в 41 344 млн. руб., то есть почти *вдвое* больше, чем в России. Население России – 160 млн., а Америки – 92 млн. в 1910 г. и 31 млн. в 1860 году!

Средний заработок русского фабрично-заводского рабочего в 1911 г. – 251 руб. в год...

В Америке в 1910 г. средний заработок промышленного рабочего – *1036 рублей*, то есть больше чем *вчетверо* выше русского. В 1860 году этот заработок равнялся *576 рублям*, то есть вдвое больше *теперешнего* русского.

Россия XX века *стоит ниже рабской Америки...*».

Это была политическая пропаганда, но основана она была на официальной царской промышленной статистике. И пропаганда, и статистика били царизм наотмашь и наповал. Становилось ясно, **что утверждения о том, что царская Россия якобы динамично развивалась и быстро догоняла мировых лидеров не подтверждаются цифрами и фактами. Россия развивалась, но так, как это надо было не России, а иностранному капиталу!**

В мире капитала к началу XX века обострилась борьба за рынки, однако стоило ли России пытаться завоёвывать заморские рынки сырья, если объективно ей надо было отвоёвывать у иностранцев свой собственный рынок? Например, рынок льна... Вот что писал промышленник и банкир Михаил Рябушинский уже в эмиграции:

«Осенью, когда лён созревал, откупщики... главным образом евреи, немцы и англичане, скупали его по деревням, вывозили на фабрики, там его чесали, около 60 % получалось костры, не имевшей потребления, процентов 20–25 очёсков, остаток – чёсанный лён. Из него фабрикант брал нужные ему сорта, остальное продавал.

Как молния мне пришли... мысли. Россия производит 80 % всего мирового сырья льна, но рынок не в руках русских. Мы его захватим и сделаем монополией России... Сказано, сделано».

Однако оказалось, не так просто было это сделать. Даже могущественные в царской России братья Рябушинские, начав «льняной» проект в 1908 году и затратив много усилий, смогли сосредоточить в своих руках к 1917 году не более 18 процентов российских льняных фабрик. Слишком мощным было противодействие иностранных конкурентов, прочно обосновавшихся в Российской империи, как в собственном доме – если не лучше, чем в собственном.

Но при всём при том влияние Америки на желательное ей развитие России было пока далеко не таким, как этого хотелось бы элите США. В подтверждение сказанного можно привести много данных, но ограничусь одним. В 1914 году в Берлине вышла книга немецкого мелкобуржуазного экономиста Е. Агада с длинным названием «Крупные банки и всемирный рынок. Экономическое и политическое значение крупных банков на всемирном рынке с точки зрения их влияния на народное хозяйство России и германо-русские отношения». Автор 15 лет прослужил в Русско-Китайском банке, так что предмет знал, почему Ленин широко и использовал его данные в своей капитальной дореволюционной работе «Империализм как высшая стадия капитализма».

Так вот, Агад сообщал, что на конец 1913 года из 19 крупнейших банков России 11 были основаны фактически на иностранные капиталы, из них 4 – на германские, 2 – на английские и 5 – на французские. И это ведь имеются в виду только «чисто» чужие банки, но в остальных оставшихся восьми якобы «русских» банках иностранных капиталов тоже хватало...

В 1914 году Ленин, ссылаясь на данные Е. Агада, писал:

«Из почти 4 миллиардов составляющих „работающий“ капитал крупных банков, свыше $\frac{3}{4}$, более 3 миллиардов, приходится на долю банков, которые представляют из себя, в сущности, „общества-дочери“ заграничных банков, в первую голову парижских (знаменитое банковское трио: „Парижский союз“; „Парижский и Нидерландский“; „Генеральное общество“) и берлинских (особенно „Немецкий“ и „Учётное общество“) ... И, разумеется, страна, вывозящая капитал, снимает сливки: например, берлинский „Немецкий банк“, вводя в Берлине акции Сибирского торгового

банка, продержал их год у себя в портфеле, а затем продал по курсу 193 за 100, т. е. почти вдвое „заработав“ около 6 млн. рублей барыша...».

Для темы моей книги здесь наиболее существенно то, что в приведенном выше перечне отсутствуют американские банки (хотя опосредовано они в русских прибылях, конечно же, участвовали). Причём и в промышленный сектор российской экономики капитал США тоже лишь начинал внедряться. Сошлюсь опять на Ленина. 17 июня 1912 года в легальной большевистской газете «Невская Звезда» появилась его хлесткая статья «Капитализм и „парламент“», опубликованная за подписью «Нелиберальный скептик», где было одно место, написанное как будто бы сегодня:

«III-я Дума решила премии выдавать отечественным машиностроителям. Каким отечественным? – „Работающим“ в России!

А посмотреть, – и окажется, что как раз иностранные капиталисты перенесли свои заводы в Россию. Таможенные пошлины высоки, – прибыли необъятны, вот иностранный капитал и переселяется *внутрь России*. Американский трест – союз миллионеров-капиталистов – построил, например, громадный завод с.-х. машин под Москвой, в Люберцах. А в Харькове капиталист Мельгозе (германский подданный. – С.К.), а в Бердянске капиталист Джон Гривез (английский подданный. – С.К.) строят сельскохозяйственные машины. Не правда ли, как много „истинно русского“, „отечественного“ в этих предпринимателях?»

Как видим, хотя американские промышленники и осваивали Россию, не они здесь лидировали, и это было неприемлемо для Америки с любой точки зрения. Она готовилась ввергнуть Европу в войну, которая должна была вывести в лидеры мира Америку, а такой лакомый кусок, как Россия, доставался пока другим – англичанам, немцам, французам, бельгийцам... Поэтому «российские» перспективы виделись капиталу США иными – благоприятными для США и только для США, установившими контроль над европейским капиталом и тем более над Россией.

До Октября 1917 года в России существовал ряд неправительственных организаций промышленников, которые выполняли некие координирующие функции. Уже в 1874 году был создан Совет съезда горнопромышленников Юга России, в 1880 году – Совет съездов горнопромышленников Урала...

В 1883 году возник Совет съездов бакинских нефтепромышленников. «Нефтяной» союз выражал интересы нескольких международных капиталистических групп, но только не России. Об иностранном контроле над бакинской нефтью при царизме можно писать отдельную книгу, где было бы немало и «американских» страниц. Но бизнесмены США смотрели и планировали шире, готовя намного более масштабную экономическую экспансию. Так, в 1905 году был образован Совет съезда русских фабрикантов земледельческих машин и орудий с резиденцией в Харькове. На долю предприятий, объединяемых последним Советом, приходилось 40 % всех занятых в отрасли рабочих, но лишь рабочие были русскими, а сам Совет состоял почти исключительно из представителей иностранного капитала при лидерстве «Международной компании жатвенных машин в России» – филиала американского треста «International Harvester Company»...

Были расчёты в США и на тяжёлую индустрию в России, в 1917 году американские строительные компании в союзе с «National City Bank» намеревались строить крупный металлургический завод в Донбассе. Особый расчёт был на самое широкое участие капитала США в железнодорожном строительстве в России. Об этом ещё будет сказано.

ВООБЩЕ-ТО, о планах США в отношении России начала XX века документально известно не так уж и много, но кое-что постепенно раскрывается, и обнаруживается вполне зловещий характер этих планов. Как уже было сказано, с конца XIX века в Россию активно внедрялся французский, английский, бельгийский и германский капитал, а доля американского капитала оказывалась при делёжке российского «пирога» очень уж непропорциональной аппетитам США. Долее терпеть такую «несправедливость» капитал Америки не мог, и уже в 1912 году Америка по объёму своего экспорта в Россию, как сообщает историк-американист Р.Ш. Ганелин, оставила позади Англию и уступала лишь Германии.

К лету 1914 года в Россию ввозилось американских товаров более чем на 100 миллионов долларов в год, то есть более чем на 200 миллионов рублей. Для сравнения: государственный бюджет Российской империи составлял в 1913 году 3 миллиарда 436 миллионов рублей.

Но лиха беда начало! В 1913 году по инициативе США в Москве была учреждена Русско-Американская торговая палата. А летом 1914 года, ещё до войны, русское правительство заявило об отказе продлевать русско-германский торговый договор, срок которого истекал в 1916 году. И сразу же – 23 июня 1914 года – бывший американский посол в России Кертис Гульд, выступая в Бостонской торговой палате, предложил сделать Россию рынком для промышленности США, равным по своему значению Латинской Америке.

Сравнение было вполне «знаковым»: Америка возымела желание сделать из России одну огромную «банановую» республику, но – без бананов. Расчёт был, кроме прочего, на вытеснение с российского рынка немцев, и, зная это, нетрудно предположить, что уже одними этими планами Америки можно объяснять стремление США развязать мировую войну. Хотя планами захвата российского рынка коварство Америки, конечно же, не ограничивалось. Напомню, что Америке было не менее важно устранить Германию как конкурента не только на внешних рынках, включая латиноамериканский, но и на собственном внутреннем рынке, где германские производители завоёвывали всё более прочные позиции.

С началом войны США усилили свою экономическую экспансию в Россию, которая и перед войной начинала принимать формы, в перспективе угрожающие независимости страны. Достаточно сказать, что будущий президент США (с 1929 по 1933 год) Герберт Кларк Гувер (1874–1964), уже перед Первой мировой войной мультимиллионер, был пайщиком ряда акционерных обществ в России, внедрялся в российскую нефтедобывающую промышленность. Гувер основал Русско-азиатское общество для хищнической эксплуатации лесных и минеральных богатств Урала. Он был также владельцем синдиката по разработке цветных металлов на Алтае и под Нерчинском. (Забегая вперёд, сообщу, что после Октября 1917 года все российские предприятия Гувера были, естественно, национализированы и он, естественно, стал одним из организаторов Гражданской войны и иностранной интервенции в России. В 1931 году в интервью корреспонденту газеты «Сан-Франциско Ньюс» Гувер заявил: «Сказать по правде, цель моей жизни состоит в том, чтобы уничтожить Советский Союз». В 1938 году он встречался с Гитлером, а в 1949 году был одним из инициаторов создания блока НАТО.)

Пример Гувера оказался исторически особо ярким, но он был, конечно же, не единичным. И вашингтонский агент российского министерства торговли и промышленности К.Ю. Медзыховский имел все основания писать министру С.И. Тимашеву об «удивительном увлечении американцев целиком завоевать русский импортный рынок»!

Интересна в этом отношении фигура шведского (точнее, международного) банкира Олафа (Улофа) Ашберга (1877–1960), родившегося в семье еврейских выходцев в Швецию из России Германа Аша и Рашели Шлоссберг (откуда и произошла принятая их сыном фамилия «Ашберг»). На склоне лет он начал писать мемуары, первая часть которых на шведском

языке была издана в Стокгольме в 1946 году под показательным заголовком: «Странствующий еврей с Гласбруксгатан».

В ходе Первой мировой войны Ашберг стал связующим звеном между российским Министерством финансов и банком Моргана «Гаранти траст компани оф Нью-Йорк».

«Гаранти траст» был учреждён в 1864 году и, будучи вотчиной Морганов, был связан также с группами Меллона и Гарримана. За время с 1904 года до окончания Первой мировой войны депозиты «Гаранти» выросли в десять раз, что само по себе свидетельствует о масштабах вовлечения этого мощного банка – финансовой империи, по сути, во все предвоенные и военные комбинации и профиты. К 1920 году депозиты «Гаранти Траст» составляли 690 миллионов долларов – активы по тем временам умопомрачительные, позволявшие реализовывать любые проекты по экономической и политической экспансии, поглощению банков, завоеванию рынков и т. д.

Ашберг являлся одним из соучредителей Шведско-Русско-Азиатской компании с отделениями в Петрограде, Стокгольме и Нью-Йорке, а также американской фирмы «Джон Мак-Грегор Грант инкорпорейтед» и, имея в России свой «бизнес», часто наезжал туда. «Бизнес» Ашберг имел не ахти какой, однако капиталом прохиндей обладал явно немалым, и вот ему-то царское правительство поручило добиться займа в США, минуя традиционные для России лондонские каналы.

Подробное описание русско-американской одиссеи Ашберга здесь излишне, к тому же многое в ней известно лишь со слов самого Ашберга, но один казус – опять-таки в изложении Ашберга – сообщить, пожалуй, стоит.

Приехав в США, «странствующий еврей с Гласбруксгатан» якобы начал с того, что обратился к группе еврейских банкиров «Кун, Леб и К^о», которая, являясь якобы «германофильской», была якобы слабо связана с Антантой. Банкиры-«германофилы» как кандидаты на финансирование русских в их войне с немцами – вариант для получения «русского» займа не самый вроде бы очевидный, и логика у Ашберга здесь хромала. Так или иначе, глава еврейской группы якобы ответил Ашбергу отказом, сославшись не на симпатии к Германии, а на дискриминацию евреев в России.

И вот уж якобы только тогда Ашберг обратился к руководителю «Гаранти Траст» Чарльзу Сэбину, и тот отнёсся к предложению русских с интересом. В результате Ашберг возвратился в Петроград вместе с представителем «Гаранти» Мэрфи.

Вся эта история шита, скорее всего, белыми нитками, начиная с того, что крупнейшая финансово-промышленная группа Моргана сама планировала внедрение в российские финансы и экономику, чего Ашберг не знать не мог. И, похоже, эту мутную историю «странствующий» в качестве агента Моргана «еврей» сочинил для того, чтобы дополнительно замаскировать устремления Моргана и К^о в российские дела.

Суть же тогдашней ситуации хорошо выразил Р.Ш. Ганелин, написав:

«Планы экспансии американского капитала в России совпадали с русскими планами его привлечения далеко не полностью. В России рассчитывали на немедленный приток американского капитала, а в капиталистических кругах США – на промышленный экспорт в Россию после войны».

Если быть точным, то планы США с российскими *полностью не совпадали* и были рассчитаны не только на экспорт товаров из США в Россию, но и экспорт капитала в целях полного контроля над послевоенной экономикой России. Сам же Р.Ш. Ганелин признавал, что уже летом 1916 года «в американской экспансии в России начался новый этап» и «были заложены основы для проникновения американского капитала в ключевые отрасли российской экономики».

Этот «новый этап» был подготовлен, в частности, серией переговоров под рукой российского министра финансов П.Л. Барка и знаменитого промышленника и думца А.И. Гучкова, председателя Центрального военно-промышленного комитета, с Фессеном де Мезервом, известным американским финансистом, представителем «National City Bank» в Петрограде. К переговорам были привлечены Б.А. Каменка (Азово-Донской банк), А.И. Путилов (Русско-Азиатский банк), А.И. Вышнеградский (Петроградский международный банк) и Я.И. Утин (Петроградский учётный и ссудный банк). Подбор переговорщиков был вполне показательным, как и фигура самого Барка, служившего при Витте председателем правления Учётно-ссудного банка Персии, связанного с рядом афер известного банкира Лазаря Полякова.

Возвращаясь к Ашбергу, можно сообщить следующий любопытный факт. В начале февраля 1916 года в отношениях Барка и Ашберга возникли настолько крупные трения, что последнему – как лицу иудейского вероисповедания – отказывались продлить вид на жительство в Петрограде, а полицейский пристав выселял его из гостиницы, требуя покинуть Россию. Но уже 23 февраля (ст. ст.) Русско-Азиатский банк известил Кредитную канцелярию, что условия кредита Ашберга, разработанные в 1915 году в проекте договора между «Гаранти траст компани» и 7 крупнейшими «русскими» банками, считаются русской стороной принятыми.

Причём Ашберг хлопотал и о... сепаратном мире России с Германией. Именно Ашберг устраивал летом 1916 года в Стокгольме встречу близкого ко двору А.Д. Протопопова, будущего министра внутренних дел, с германским представителем – банкиром Варбургом. Этот политико-финансовый кульбит Ашберга был настолько неожиданным, что позднее эмигрантский (и вполне одиозный) историк С.П. Мельгунов выдвигал версию о существовании двух разных Ашбергов. Однако Олаф Ашберг был всё же един в двух лицах, и его двуличность могла удивлять лишь людей, не понимающих сути мировой политики наднационального мирового капитала.

Поэтому странно, что всесторонняя *и изощрённая* активность США и их всё более глубокое внедрение в Россию в ходе Первой мировой войны не получили должной оценки ни в реальном масштабе времени, ни позднее – в основополагающих исторических трудах послеволюционной историографии. На первый план всегда выдвигалась союзническая деятельность в России англо-французской Антанты, и упускалось из виду, что за самой-то Антантой стояли США. Без финансирования якобы «нейтральной» Америкой идущей в Европе войны и без военных поставок Антанте из-за океана последняя вряд ли смогла бы держаться так долго – до прихода в Европу в 1917–1918 годах двух миллионов «миротворцев» из США.

К началу 1917 года силы воюющих сторон истощались. Продовольственный режим в Германии с его скудными пайками позднее назвали «образцово организованным голодом». Во Франции массы были близки к восстанию, как, впрочем, и в Англии. Россия оказывалась в наиболее кризисном положении по всем направлениям, и ситуация в ней более, чем в других союзных странах, была чревата, с одной стороны, «низовым» революционным взрывом, а с другой – «верхушечным» сепаратным миром с Германией. Ни один, ни второй вариант Антанту и Америку не устраивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.